

ГРАЖДАНСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА К.Д. УШИНСКОГО

CIVIC AND IDEOLOGICAL ROOTS OF K.D. USHINSKY'S WORKS

Днепров Э.Д.

Научный руководитель НПБ им. К.Д. Ушинского, академик РАО, доктор педагогических наук

E-mail: dneprov@mtu-net.ru

Dneprov E.D.

Scientific supervisor at the Ushinsky Scientific Pedagogical Library, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of science (Education).

E-mail: dneprov@mtu-net.ru

Аннотация. Статья посвящена системной характеристике мировоззрения К.Д. Ушинского.

Annotation. The article is devoted to the systemic analysis of K.D. Ushinsky's world view.

Ключевые слова: К.Д. Ушинский, общественно-педагогическое движение, педагогика личности, педагогика деятельности, педагогика свободы, педагогика общественного блага.

Keywords: K.D. Ushinsky, socio-pedagogical movement, pedagogics of an individual, pedagogics of activity, pedagogics of liberty, pedagogics of social benefit.

Гражданская позиция

К.Д. Ушинский прожил неполных 47 лет. Педагогической науке и школе была отдана только треть его жизни. Он пришел в педагогику зрелым мыслителем, принес с собой запас энциклопедических знаний, готовый к работе арсенал идей и мощный заряд социальных устремлений. Школа, педагогика стали в итоге сферой их реализации. Социальная детерминация слилась с внутренними побуждениями ученого, сплавила их, преобразовала аккумулированную готовность действовать в само действие.

«У каждого века, – писал Н.Г. Чернышевский, – есть свое историческое дело, свои особенные стремления. Жизнь и славу нашего времени составляют два стремления, тесно связанные между собою и служащие дополнением одно другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни... Даже отдельные науки приобретают или теряют свою относительную важность по мере того, в какой степени служат они господствующим потребностям века». Ушинский поставил педагогику на службу этим потребностям. Ос-

новой, главной задачей его творчества стала реализация в педагогике социальных требований эпохи падения крепостного права и тех требований, которые выдвигались логикой развития самой педагогики.

60-е гг. XIX в., время расцвета творчества Ушинского, по глубине и широте цивилизационных, социальных преобразований, по их характеру и направленности, их сложности и противоречивости во многом сходны с современной эпохой. Это сходство эпох и соответственно задач, стоящих перед образованием, делают сегодня творчество Ушинского особенно значимым и актуальным.

В период великих реформ Россия проходила второй после Петра Великого переломный момент своей истории. Страна делала еще один мощный рывок, пытаясь стать на путь модернизации. На этот раз ломались сами феодально-крепостнические ее устои. Это сопровождалось глубочайшими сдвигами во всей русской жизни. И главным из таких сдвигов было социальное, экономическое, духовное раскрепощение не только крестьянства, но всего русского общества. Русское общество впервые осознало себя субъектом исторического действия, впервые реально стало таковым. Рост общественного сознания был ведущим процессом в социальной жизни России 1860-х гг., в решающей мере определявшим характер и направленность всех остальных процессов.

Главную задачу эпохи Ушинский видел в поступательном движении страны. «А идти вперед необходимо, – писал он, – необходимо не только потому, что ход назад государственного организма есть его разрушение, но и потому, что позади в истории России нет ничего, к чему бы желательно было воротиться... Благоденствие России... заключается не в остановке ее развития и не в подражании западным преобразованиям, а в самостоятельном развитии государственного народного организма, вытекающем из сознания действительных народных потребностей» [1, с. 578–579]. По убеждению Ушинского, основная задача власти и состоит в том, чтобы не только узнать эти потребности – материальные и духовные, но и «сродниться с ними, сделать их потребностями своей собственной души и, удовлетворяя этим потребностям, прокладывая народу историческую дорогу вперед» [2, с. 137].

Делая акцент не только на материальных, но и на духовных потребностях народа, Ушинский вскрывал саму суть подлинных, глубинных реформ, которой нередко пренебрегали и продолжают пренебрегать многие реформаторы. «Всякое существенное, а не только кажущееся улучшение в быту народа, – замечал он, – всякая существенная реформа должны основываться на внутренней, духовной реформе, на движении вперед, совершающемся в самом духе народа, потому что только из этих духовных реформ вырастают сами собой прочные внешние реформы» [3, с. 37]. Этот ключевой закон успешности всяких реформ еще и сегодня выпадает из сознания российской властной элиты.

В эпоху Ушинского коренным вопросом и материального, и духовного бытия народа был вопрос об отмене крепостного права. Ушинский гневно бичевал крепостное право, погружающее народ «в мрак невежества и нищеты» [2], низводящее человека «на степень животного». Крепостничество он считал главной «препоной, стоявшей на пути нашей цивилизации». И только с устранением этой «препоны» 19 февраля 1861 г., с разрушением крепостных отношений делаются возможными, по его словам, «многие улучшения в нашей общественной жизни, которые прежде были невозможными» [3, с. 37].

Столь же высоко ценил Ушинский нравственное, духовное значение крестьянской реформы, называя ее самой важной реформой, «благодетельные плоды которой не замедлят обнаружиться в поднятии нравственного уровня» как народа, так и «образованного класса» [4, с. 82].

Гражданская позиция Ушинского наиболее четко и открыто была высказана в его «Письмах о воспитании наследника русского престола» (1859 г.), адресатом которых была жена Александра II императрица Мария Александровна.

«Письма о воспитании наследника русского престола» – выдающийся философско-политический трактат Ушинского. Свободный от цензуры в силу самого жанра и адресата «Писем» (ибо, как полагал автор, «цензура установлена для подданных, а не для монархов»), понимающий всю важность и ответственность предпринимаемого дела (ибо воспитание наследника вдвойне «святое дело», так как «здесь сеются семена благоденствия, или несчастья миллионов соотечественников, здесь раскрывается завеса будущего нашей родины»), Ушинский в этом труде более, чем в любой другой из работ, обнажал свои социально-политические взгляды, говоря о том, какими, по его мнению, должны быть убеждения «будущего русского монарха», и давая жесткую оценку ситуации в России.

Зрелость власти, ее соответствие историческим задачам страны Ушинский измерял отношением власти к обществу, к общественным требованиям в сфере предстоящих преобразований. В «Письмах о воспитании наследника русского престола» он отмечал, что общество требует «улучшений и преобразований по всем частям. Нет сомнения, что эти требования будут возрастать более и более. Заставить их умолкнуть на время, конечно, можно, но это значит, гноить государство и народ... И весьма ошибочно было бы рассчитывать на спокойствие от такого задавливания требований народа». Ушинский предостерегал власть от самообмана в поисках этого «спокойствия». Он писал о том, что, «не позволяя высказываться обществу», власть будет находиться «в затруднительном положении», будет «пугаться призраков, не видя настоящих ям» [2, с. 137, 150].

Выступая против традиционных для российской политической практики преследований «всякого рода общественных убеждений», Ушинский тем более резко осуждал деспотический образ правления, при котором «опасность ничем не ограниченного произвола одного человека висит, как дамоклов меч, над головой каждого» [4, с. 431].

Неограниченная монархия, по мнению Ушинского, «вовсе не означает того, что неограниченный монарх может делать, что ему угодно... Неограниченный законодатель должен всегда помнить, что закон не есть выражение его произвола, но выражение исторической необходимости общества» [2, с. 152-153].

Таким образом, «историческая необходимость общества», или, иными словами, его исторические потребности, с точки зрения Ушинского, являлись основным естественным ограничителем власти. И только власть, понимающая эти потребности и реализующая их совместно с обществом, могла соответствовать своему высокому назначению. Новизна эпохи и состояла в том, что власти теперь предстояло действовать совместно с обществом, и от того, насколько власть это понимала, зависела в конечном счете сама ее судьба. Время абсолютизма неотступно клонилось к закату. Русское общество, начиная с 1860-х гг., все более и более заявляло о себе как самостоятельная сила исторического процесса. И не толь-

ко заявляло. Оно брало на себя решение многих проблем российской жизни, в том числе и образовательных. Это было начало общественного взросления России, медленного и трудного вызревания в ней гражданского общества, вызревания, прерванного в начале XX в. на семь десятилетий.

Педагогический лидер эпохи

Ведущими социально-педагогическими задачами эпохи падения крепостного права были: просвещение народа, демократизация системы образования и приведение ее в соответствие с социально-экономическими и культурными потребностями страны. Борьба за решение этих задач вылилась в широкое общественно-педагогическое движение, ставшее одной из органических составляющих общей освободительной борьбы. Впервые в истории России социально-педагогические проблемы явились предметом общественного обсуждения. И не только обсуждения, но общественного творчества.

Вспоминая о рождении и первых шагах общественно-педагогического движения, выдающийся русский педагог П.Ф. Каптерев спустя много лет писал: «До эпохи освобождения наша педагогика была крайне слаба: педагогической журналистики почти не было, педагогическая литература была очень скудная, даже литература учебников – и та была небогата. На обширном пустынном поле российской педагогики показывались лишь время от времени отдельные блестящие огоньки... Великая же освободительная реформа сразу вызвала прилив сил к педагогическому делу, сразу возбудила бездну вопросов, вывела на свет божий давно скрывавшиеся темные стороны и семейного воспитания, и школьного образования. Началась деятельная критическая работа, но не объединенная и не направляемая широкими философскими взглядами». На первых порах, отмечал П.Ф. Каптерев, «не было объединителя и пастыря, не было знаменосца, не восстал еще пророк во Израили. А он был необходим: нужно было связать, объединить педагогическое движение, выяснить его отношение к потребностям времени, дать ему научное обоснование. Такой духовный вождь педагогов, – писал Каптерев, – явился в лице К.Д. Ушинского».

Ушинский, по словам П.Ф. Каптерева, «Согласно с духом времени, Ушинский является горячим педагогом-общественником. Его педагогика не отвлеченная, не церковная и не государственная, сторонящаяся жизни и общественных движений; напротив, она предполагает, как *conditio sine qua non*, живую общественную деятельность, идущую рука об руку с развитием общественного и государственного самосознания» [5].

Будучи идейным лидером общественно-педагогического движения, Ушинский ставил и решал две основополагающие, исходные задачи этого движения. Во-первых, пробуждение социально-педагогического сознания в русском обществе, особенно в сфере образования, и формирование общественных требований к этой сфере. И, во-вторых, пробуждение общественного и профессионального самосознания педагогов, понимания ими своей профессиональной деятельности как гражданского долга и вовлечение их в решение общих социально-педагогических проблем эпохи. Очевидно, что все конкретные

начинания и действия общественно-педагогического движения, как и вся его результативность, в конечном счете, зависели от решения названных задач.

Основным условием реализации данных задач Ушинский считал создание и развитие педагогической литературы, педагогической журналистики, о чем он заявил в первой же своей педагогической статье «О пользе педагогической литературы» (1857). Без выполнения этого условия, по его мнению, никакое движение в деле образования было попросту невозможно. Ибо у общественно-педагогической мысли – основы этого движения – отсутствовала даже самая элементарная среда обитания.

Ушинский был убежден, что подготовка преобразований системы народного просвещения, начавшаяся в России, ни в малейшей мере не может быть успешной без педагогической литературы, на которую, по его словам, опирается «всякий прочный успех общества в деле воспитания». Педагогическая литература, подчеркивал Ушинский, является не только важнейшим органом выражения общественного мнения в деле воспитания, но и обязательным условием его формирования, «его развития и очищения». Она призвана возбудить в обществе интерес к педагогическому делу и уважение к нему, содействовать развитию «здоровых педагогических понятий», «распространению общественного воспитания и улучшению его во всех частях». Не менее важна, по мнению Ушинского, роль этой литературы в деле объединения педагогов, в профессиональном становлении и социальном самоопределении педагогического сообщества, в развитии педагогической науки и обобщении практики школы, в преодолении губительной педагогической рутины и пробуждении творческой инициативы учителей.

Это было беспрецедентное предъявление педагогической прессы как первого детища российского общественно-педагогического движения и в дальнейшем ведущей силы его развития. Это был своеобразный манифест новой, нарождавшейся общественно-педагогической силы, равно как и манифест самого Ушинского, в котором в достаточно кристаллизованном виде представляли многие ведущие идеи педагога, широко разработанные им впоследствии. Уже здесь реально прорисовывались три основные исторические качества, три ипостаси Ушинского – будущего великого педагога: как идеолога нового, общественного этапа развития российской педагогики и создателя новой философии образования; как выдающегося деятеля образования, раскрывшего главные социально-педагогические задачи эпохи и показывавшего пути их решения; как гениального ученого-педагога, заложившего основы научной педагогики в России.

Деятельность Ушинского по развитию общественно-педагогического движения и его органа – педагогической литературы, по привлечению внимания общества к вопросам образования и пробуждению гражданского и профессионального самосознания российского учительства принесла богатые плоды. Осмысленное и динамичное включение значительной части русского общества в дело образования, равно как и гражданско-профессиональное самоопределение немалого числа педагогов обусловили качественный скачок в развитии российского образования в пореформенный период. Начиная с 1860-х гг. общественный фактор стал постоянным, более того, ведущим в поступательном движении отечественного образования. Это новое явление российской образовательной жизни отражало нараставший процесс созревания гражданских начал в русском обществе, о котором речь шла ранее.

* * *

В советской историографии прочно укоренился стереотип противопоставления демократической и либеральной тенденций в общественном движении 1860-х гг. К представителям последней относили и Ушинского, нередко отмечая его «эволюцию» от либерализма к демократизму. Однако этот историографический миф, эта «приватизация» демократии – сначала революционной демократией, а позже социал-демократией – не более чем проявление сектантского отношения к проблеме демократии и демократизма. Неприятие насильственных, революционных мер многими передовыми русскими общественными деятелями, в том числе и Ушинским, отнюдь не является основанием для выведения их за рамки демократизма. Водораздел здесь лежит не в плоскости средств, а в плоскости целей. Цель же той когорты русской демократии, к которой принадлежал и Ушинский, состояла в приложении всемерных усилий на благо народа.

На самом деле в русской демократии 1860-х гг. и последующего периода существовали два направления, два крыла – революционно-демократическое и либерально-демократическое, между которыми, к слову, не было непроницаемых границ. Крупную группу либеральной демократии составляли передовые деятели отечественной науки, культуры, образования. Это была неотъемлемая часть русской демократии. Неотъемлемой ее частью являлось и само широкое общественно-педагогическое движение той эпохи, несмотря на всю его политическую и социальную неоднородность.

В деятельности Ушинского и во многом в жизни общественно-педагогического движения 1860-х гг., вдохновителем коего он являлся, наглядно отражался процесс зарождения и формирования нового феномена российской жизни – демократической интеллигенции. Ее ведущая характеристика – активная общественная позиция. Ее основная черта – оппозиционность антинародным действиям власти. Ее главная харизма – служение общественному благу.

Социальное и нравственное кредо

Двумя коренными отличительными особенностями Ушинского как человека, общественного деятеля и ученого были: доминирующий взгляд на явления жизни, в том числе педагогической, с высоты социального, гражданского долга и неразрывность социальных и нравственных установок.

Общественный, гражданский смысл, социальные приоритеты были основополагающими в жизни, деятельности, творчестве Ушинского. Запись, внесенная им в дневник 19 декабря 1849 г., оставалась его жизненным кредо до конца дней: «Сделать как можно более пользы моему отечеству – вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности» [6, с. 43].

На образовательные задачи эпохи Ушинский смотрел прежде всего с точки зрения их социальной значимости. Вот почему задачу создания народной школы он считал центральной для 1860-х гг. Даже в задаче научного обоснования педагогики, педагогической

деятельности в целом он видел не только профессиональный, но в первую очередь социальный долг педагогов-ученых. В первой же своей статье «О пользе педагогической литературы» Ушинский писал, что, доверяя педагогам своих детей, общество «вправе требовать от нас, чтобы мы старались, по мере сил своих, познакомиться с тем предметом, который вверяется нашим попечениям, – с умственной и нравственной природой человека» [2, с. 21]. В этом плане Ушинский представлял собой во многом типичный для своего времени, но редкий сегодня пример сочетания в ученом общественных и научных начал с явной доминантой социальных установок.

Другой отличительной чертой Ушинского была, как уже отмечалось, органическая связь его социальных и нравственных устремлений. Социальные установки не только были неотъемлемы от его нравственной позиции – они проистекали из этой позиции. Не случайно Ушинский часто отождествлял понятия «нравственный» и «общественный», употреблял их как синонимы. «Чувство общности» было для него адекватно «нравственному чувству» [2, с. 195]. Нравственным было только общественно значимое. В этом – корень его нравственно-социального кредо, родственного по своей природе традиционному российскому мировосприятию. Отсюда и взгляд Ушинского на соотношение политики и морали. Вопреки распространенному мнению об аморальности всякой политики, Ушинский был глубоко убежден, что «политика должна быть частью этики» [4, с. 289].

Ведущие социальные и этические ценности Ушинского, которые получили всестороннее раскрытие в его педагогическом творчестве, – личность, труд, свобода и общественное благо. Эти ценности отражали высшие идеалы его эпохи, ведущие умонастроения пробуждавшейся тогда передовой русской демократической интеллигенции.

В условиях российской действительности 1860-х гг., в период борьбы за раскрепощение человека, проблема личности приобрела мощное социальное звучание. Идея самодовлеющей ценности человеческой личности становилась одним из ведущих лозунгов демократических сил в борьбе против феодально-крепостнического строя, попиравшего права и достоинства человека. Эта идея утверждалась в русском общественном сознании наперекор традиционной идеологии, растворявшей человека в государстве, наперекор духу самоотречения, который веками воспитывался в России церковью, властью.

Это возвышение чувства личности, чувства собственного достоинства получило ярчайшее отражение в воззрениях Ушинского. В «Педагогической антропологии» он писал: «Семья, племя, народ, государство, человечество имеют свою цель в личности отдельных людей... Всякое общество, и государство, и союз государств существуют только ради личности человека и в ней одной находят разумное оправдание своего существования» [4, с. 49].

Ушинский горячо защищал «принципы личной человеческой свободы, человеческого, ничем не оцененного достоинства, равенства людей перед законом, уважения к правам всякого человека, кто бы он ни был» [4, с. 511]. Он резко выступал против «объединения» личности и общества за счет растворения индивидуального во всеобщем, за счет принесения человека в жертву молоху государства. Он был против отождествления человека с «машиной в общественном устройстве» [4, с. 195].

Названные социально-нравственные установки составляли фундамент педагогики Ушинского. Ее генеральная мысль формулировалась следующим образом: «Основной

целью воспитания человека может быть только сам человек, так как все остальное в этом мире (и государство, и народ, и человечество) существуют только для человека» [4, с. 262].

Ушинский был глубоко убежден, что воспитание свободной, самостоятельной, активной человеческой личности является необходимым условием общественного развития, создания «честного и дружного общества». Дело воспитания, по его убеждению, «состоит именно в том, чтобы воспитать такого человека, который вошел бы самостоятельной единицей в цифру общества», который был бы готов к «самостоятельной жизни в обществе» [4, с. 226].

Идея личности была базовой в педагогике Ушинского не только в социальном, нравственном, но и в собственно педагогическом плане – она вносила гуманистическое начало, гуманистическое содержание в саму педагогику. «Личность», по Ушинскому, ключевое слово педагогического процесса: личность учителя и личность ученика. «Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания», ибо «только личность может действовать на развитие и определение личности» [2, с. 49–50].

Это была принципиально новая установка в отечественной педагогике, первое и наиболее яркое проявление в ней «личностного начала». Она противостояла существовавшей школе, которую Ушинский неоднократно называл «детской казармой», где «исчезает всякая личность». Она противопоставлялась традиционному пренебрежению личностью в официальной педагогике, в которой и ученик, и учитель выступали лишь как инструмент тотального педагогического процесса, или, используя более позднюю терминологию, как «винтик» и «отвертка» безликой образовательной машины.

Закладывая идею личности как базовую идею своей педагогики, Ушинский считал – и подчеркивал это многократно, – что сама личность формируется и раскрывается только в труде, в деятельности. Труд, по его убеждению, ведущий фактор и индивидуального развития человека, и общественной эволюции.

В социальной философии и педагогике Ушинского труд выступает как основа, средство и цель человеческой жизни, как источник духовного, умственного и физического совершенствования человека, источник «человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья» [2, с. 172]. Как писал Ушинский, «труд так же необходим для душевного здоровья человека, как чистый воздух для его физического здоровья». Деятельность, труд, по словам Ушинского, – это «сердцевина» жизни. Без труда «человек – пустоцвет». Без труда невозможна независимость человека, ибо «истинное чувство независимости... основывается на личном труде, опирается на уверенность в своих силах». «Серьезный, вольный, излюбленный труд», не раз подчеркивал Ушинский, составляет смысл человеческой жизни, «и только следует желать, чтобы этот основной закон человеческой природы вошел в общее сознание» [4, с. 198, 89].

Столь высокая оценка роли труда в жизни человека определяла и его значимость в деле воспитания. Ушинский писал: «Человек рожден для труда, труд составляет его земное счастье, труд – лучший хранитель человеческой его нравственности и труд же должен быть воспитателем человека» [4, с. 218]. «Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду, оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жиз-

ни» [2, с. 181]. «Дать труд человеку, – формулировал свой конечный вывод Ушинский, – труд душевный, свободный, наполняющий душу, и дать средства к выполнению этого труда – вот полное определение цели педагогической деятельности... Свободный, то есть излюбленный труд... – вот что должно быть идеалом здравого воспитания... Это основное положение нашей педагогики, дающее ей особенную характеристику» [4, с. 261, 214].

Как справедливо отмечал известный русский педагог Д.Д. Семенов, взгляды на труд и его роль в воспитании, были «profession de foi» (исповеданием веры) Ушинского. Полвека спустя, в 1914 г., П.П. Блонский писал: «Этическое мирозерцание Ушинского – мирозерцание труда.

И вновь удивляешься, вновь приходит в голову мысль, что ведь сейчас только делаются попытки, начальные, несмелые, строить воспитание на основе труда, а педагогику – на мирозерцании труда» [7, с. 74].

Идея труда для Ушинского неотделима от идеи свободы. Указывая в «Педагогической антропологии», что «стремление к деятельности» является основным, верховным стремлением человека, Ушинский подчеркивал его неразрывность со стремлением к свободе. «Оба эти стремления, – замечал он, – составляют в сущности одно», они «так тесно связаны, что одно без другого существовать не может» [4, с. 75, 238].

По убеждению Ушинского, человек стремится только к свободной деятельности, поскольку «все благо деятельности исчезает, когда она несвободна», и только непременно свободный труд является необходимым условием развития человека. «Свобода, – писал он, – составляет такое существенное условие для человеческой деятельности, что без удовлетворения этого условия сама деятельность невозможна. Отнять у человека свободу – значит лишить его возможности своей деятельности» [4, с. 254, 78].

Ушинский неоднократно подчеркивал также неразрывную связь нравственности и свободы. В статье «О нравственном элементе в русском воспитании» он писал: «Нравственность и свобода – два такие явления, которые необходимо условливают друг друга и одно без другого существовать не могут, потому что нравственно только то действие, которое проистекает из... свободного решения... Поскольку вы даете права человеку, постольку вы имеете право требовать от него нравственности. Существо бесправное может быть добрым или злым, но нравственным быть не может».

Ушинский видел в свободе неотъемлемое условие не только личной жизни человека, но и общественной жизни. «Стремление к свободе, – писал он в «Педагогической антропологии», – является корнем человеческого благоденствия... Вот почему истинная свобода развивается именно у народов предприимчивых и деятельных». «Таков уже неизбежный психический закон, – отмечал Ушинский, – свобода есть законная дочь вольного, упорного, неутомимого труда, а вольный труд широко развивается только под покровом свободы» [4, с. 80, 238, 81]. «Сколько необходимо воспитывать в душе стремление к деятельности, – писал Ушинский, – столько же необходимо воспитывать в ней и стремление к самостоятельности или свободе: одно развитие без другого... не может подвигаться вперед» [4, с. 81, 204].

Одна из отличительных черт эпохи 1860-х гг., эпохи первого демократического подъема в России, состояла в том, что в передовом русском общественном сознании органиче-

ски соединялись две, казалось бы, несводимые идеи – идея самоценности личности и идея общественного блага. Эта кажущаяся несовместимость преодолевалась через идею труда – личного труда на благо общества. «Труд, – отмечал Д.И. Писарев, – составляет самую крепкую и надежную связь между тем человеком, который трудится, и тем обществом, на пользу которого направлен этот труд».

Такое мировосприятие, имеющее глубокие корни в самой русской ментальности с ее ориентацией прежде всего на общезначимое, общественно значимое, было органичным и для Ушинского.

По убеждению Ушинского, «идея общественного блага» должна составлять основание и общественной нравственности, и общественного воспитания. Идея общественного блага, по его словам, есть тот «общественный цемент, который... связывает людей в честное, дружное общество», и задача формирования этой идеи «гораздо более важна», чем «разъяснение каждому его личных интересов» [2, с. 196]. Именно в решении этой задачи и состоит, по Ушинскому, суть нравственного воспитания.

Таким образом, социально-этическое кредо Ушинского складывалось в завершённый цикл: личность самоценна; она формируется и реализует себя в деятельности, в труде; свобода – условие деятельности, без нее «сама деятельность невозможна»; истинный, высший смысл имеет только та деятельность, которая направлена на общественное благо. В итоге круг «личность – общество» замыкается. «Общество, – писал Ушинский, – есть соединение самостоятельных личностей, в котором по принципу разделения труда сила общества увеличивается силой каждого и сила каждого – силой общества» [4, с. 78, 226].

Это кредо, перенесенное на педагогическую почву, и составляло социальный, этический концепт педагогики Ушинского – педагогики личности, педагогики деятельности, педагогики свободы, педагогики общественного блага.

Список литературы:

- 1*. Ушинский, К. Д. Письма о воспитании наследника русского престола // Архив К. Д. Ушинского: в 4 т. / сост. и подготовил к печати В. Я. Струминский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1959–1962. Т. 4 : Ранние работы первого десятилетия научно-литературной деятельности К. Д. Ушинского (1846–1856 гг.). – 1962. – 719, [1] с.
2. Ушинский, К. Д. Избранные труды. В 4 кн. Кн. 1. Проблемы педагогики / К. Д. Ушинский ; сост., авт. вступ. ст., примеч. и коммент. Э. Д. Днепров. – М. : Дрофа, 2005. – 638 с.
3. Ушинский, К. Д. Избранные труды. В 4 кн. Кн. 2. Русская школа / К. Д. Ушинский ; сост., авт. вступ. ст., примеч. и коммент. Э. Д. Днепров. – М. : Дрофа, 2005. – 447 с.
4. Ушинский, К. Д. Избранные труды. В 4 кн. Кн. 3-4. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / К. Д. Ушинский ; сост., авт. вступ. ст., примеч. и коммент. Э. Д. Днепров. – М. : Дрофа, 2005. – 557 с.

* В электронном виде издание доступно в Научной педагогической электронной библиотеке: <http://elibrary.gnpbu.ru>.

5. *Каптерев, П. Ф.* История русской педагогики / П. Ф. Каптерев ; [Издание О. Богдановой]. – СПб., б. г. – 540 с.
 - 6*. *Ушинский, К. Д.* Собрание сочинений. В 11 т. Т. 11. Материалы биографические и библиографические / К. Д. Ушинский. – М.-Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1952. – 728 с.
 - 7*. *Блонский, П. П.* Избранные педагогические произведения / П. П. Блонский. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 696 с.
-

Spisok literatury:

- 1**. *Ushinskiĭ, K. D.* Pis'ma o vospitanii naslednika russkogo prestola // Arkhiv K. D. Ushinskogo: v 4 t. / sost. i podgotovil k pechatu V. Ia. Struminskiĭ. – М. : Izd-vo APN RSFSR, 1959–1962. Т. 4 : Rannie raboty pervogo desiatiletiia nauchno-literaturnoi deiatel'nosti K. D. Ushinskogo (1846–1856 gg.). – 1962. – 719, [1] s.
2. *Ushinskiĭ, K. D.* Izbrannye trudy. V 4 kn. Kn. 1. Problemy pedagogiki / K. D. Ushinskiĭ ; sost., avt. vstup. st., primech. i komment. È. D. Dneprov. – М. : Drofa, 2005. – 638 s.
3. *Ushinskiĭ, K. D.* Izbrannye trudy. V 4 kn. Kn. 2. Russkaia shkola / K. D. Ushinskiĭ ; sost., avt. vstup. st., primech. i komment. È. D. Dneprov. – М. : Drofa, 2005. – 447 s.
4. *Ushinskiĭ, K. D.* Izbrannye trudy. V 4 kn. Kn. 3-4. Chelovek kak predmet vospitaniia. Opyt pedagogicheskoi antropologii / K. D. Ushinskiĭ ; sost., avt. vstup. st., primech. i komment. È. D. Dneprov. – М. : Drofa, 2005. – 557 s.
5. *Kapterev, P. F.* Istoriia russkoĭ pedagogii / P. F. Kapterev ; [Izdanie O. Bogdanovoĭ]. – SPb., b. g. – 540 s.
- 6**. *Ushinskiĭ, K. D.* Sobranie sochineniĭ. V 11 t. Т. 11. Materialy biograficheskie i bibliograficheskie / K. D. Ushinskiĭ. – М.-Л. : Izd-vo APN RSFSR, 1952. – 728 s.
- 7**. *Blonskiĭ, P. P.* Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniia / P. P. Blonskiĭ. – М. : Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1961. – 696 s.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2014, № 2

* В электронном виде издание доступно в Научной педагогической электронной библиотеке: <http://elib.gnpbu.ru>.

** The edition is available in the Scientific Educational Electronic Library: <http://elib.gnpbu.ru>.